
З. АВАЛОВЪ.

Независимость Грузіи

въ международной политикѣ

1918 - 1921 г.г.

Воспоминанія. Очерки.

PARIS

1924

З. АВАЛОВЪ.

Независимость Грузин

въ международной политикѣ

1918 - 1921 г.г.

Воспоминанія. Очерки.

*Il a été tiré
de cet ouvrage
vingt exemplaires hors commerce
sur papier pur fil Lafuma
numérotés de 1 à 20.*

Tous droits réservés,

PARIS

—
1924

საქართველოს აღმსრულებელთა

სსცნას

ახალთა საიმედოდ

MORTUIS PRO GEORGIA

IN MEMORIAM

JUNIORIBUS

IN SPEM

POST-SCRIPTUM ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ

«Я-бы желалъ, чтобы Грузіи вернулась былая сила; чтобы она не нуждалась въ чужеземной помощи; и была вполне самостоятельна, въ мирное и военное время...

Но такъ какъ мы или теченіемъ времени, или превратностями судьбы, а, можетъ быть, вслѣдствіе того и другого, дошли до такой слабости, что должны подчиняться другимъ, то я считаю самымъ разумнымъ быть въ зависимости отъ тѣхъ, въ комъ больше умѣренности и справедливости, и кто прочно хранитъ дружбу со своими союзниками»...

Слова эти произнесены не вчера. Но сказаны они могли быть и въ наши дни; и сто лѣтъ тому назадъ; и, вообще, всякій разъ когда Грузія вынуждалась избирать политическую связь съ какой либо изъ сосѣднихъ Имперій, вершавшихъ судьбы народовъ.

Приведенная полновѣсная тирада взята изъ рѣчи, вкладываемой раннимъ византійскимъ историкомъ въ уста оратору Айэту, «знатному челоуѣку... ненавидѣвшему все римское, всегда тяготѣвшему къ персамъ». Произнесены же были эти слова (въ которыхъ Грузія поставлена на мѣсто Лазики-Колхиды, точнѣе: государства или республики колховъ) въ 554 г. по Р. Х., передъ собраніемъ народа, тайно обсуждавшимъ въ какой-то горной трущобѣ политическую злобу дня: то былъ одинъ изъ самыхъ драматическихъ для тогдашняго Закавказья историческихъ моментовъ, когда изъ за него и на его землѣ шла борьба между персами и римлянами т. е. византійцами, не безъ участія мѣстныхъ народовъ.

Въ словахъ Айэта выражено удивительное, по краткости и ясности, обоснованіе того, что нынѣ именуютъ *политическою ориентаціею*—Грузіи или любого изъ такъ называемыхъ малыхъ

VIII

народовъ, отстаивающихъ, въ аналогичныхъ условіяхъ, свою независимость въ борьбѣ могущественныхъ имперій. *)

Въ серединѣ VI вѣка народамъ Кавказа приходилось выбирать между давленіемъ Восточной Римской Имперіи и сассанидской реакціей Ирана. Но, оглядываясь назадъ, дѣятели той эпохи могли припомнить не одну, совершившуюся въ прошломъ смѣну оріентацій. Чѣмъ инымъ, какъ не надлежало избранному направленіемъ являлась связь, союзничество съ державнымъ и благопріятно далекимъ Римомъ, о чемъ память, навѣрное, была еще свѣжа, и о чемъ до сихъ поръ сохранилось лапидарное свидѣтельство на знаменитомъ ангорскомъ монументѣ (Monumentum Ancyrinum) Августовыхъ дѣяній (Index rerum gestarum divi Augusti: *Черезъ своихъ депутатовъ цари иберовъ, албановъ... просили о дружбѣ римскаго народа*), не говоря объ извѣстной михетской надписи Веспасіана?

Въ предыдущемъ же столѣтіи, въ дни Помпеевъ и Лукулловъ, во время борьбы Республики съ Митридитомъ Евпаторомъ Понтійскимъ, не ставиль-ли Кавказъ своей ставки на «плохую лошадь» и не пострадалъ-ли отъ неправильной «оріентаціи»? Далеко, вглубь вѣковъ, могъ озираться патріотъ Колхиды - Лазики или Иберіи VI-го вѣка и многое могъ-бы припомнить. Онъ не зналъ, однако, того, что было впереди, что готовилось въ приближавшемся будущемъ: ни вѣковыхъ тяготъ положенія Кавказа между мірами воинствующаго ислама и столь-же нетерпимаго христіанства; ни судьбы этихъ странъ, какъ наковальни подъ молотомъ непрестанныхъ вторженій; ни всѣхъ превратностей послѣдующихъ вѣковъ, которыя приводили Грузію, послѣ Багдада халифовъ и Константинополя багрянородныхъ, — и въ Испанію персидскаго Возрожденія, и въ Стамбуль Амуратовъ, и въ Москву «тишайшихъ» царей; а въ наше время, послѣ вѣковой связи съ петербургской Имперіей Романовыхъ, направятъ ее въ 1918 г. къ Берлину, въ 1919 — къ Лондону, а въ 1921 г. опять приведутъ подъ власть Москвы, въ этотъ разъ Москвы Ленина.

*) Ср. подлинныя слова, приписанныя Айэту: *Agathia e Historiarum III. 9. Стр. 156 изд. 1828. Corpus scriptorum historiae byzantinae.* Русский переводъ въ текстѣ — по сборнику: *Лазика и Иберія (К. Гагъ. Извѣстія древнихъ писателей о Кавказѣ. Ч. II. Тифлисъ. 1890 г.),* но слегка мною подшлифованъ. У Гага *колкине политейя* греческаго подлинника неправильно передано «царствомъ Колховъ».

Не могли тогда, въ VI-мъ столѣтіи, предвидѣть и того, что должна была осуществиться мечта и о полной независимости, самостоятельности Грузіи — о томъ, что привлекало Айэта *въ прошломъ*. Наступилъ, дѣйствительно, моментъ, когда трудами народа, благоразуміемъ правителей и напряженіемъ національныхъ энергій, Грузія, благопріятствуемая внѣшними обстоятельствами, правильно оцѣненными и искусно использованными, не нуждалась въ выборѣ «оріентацій», но зажила вольною жизнью въ бореніи и трудѣ: отъ Давида Строителя до Тамары (XI-XIII ст.), на протяженіи, примѣрно, срока, положеннаго Ибнъ-Калдуномъ для расцвѣта государствъ, и Грузія пережила радость и плодотворное броженіе великихъ эпохъ. Заботливой рукой новыхъ поколѣній ученыхъ и писателей, сметается постепенно прахъ забвенія съ заброшенной, забытой было страницы прошлаго; и это прошлое, подобно фрескѣ, очищенной отъ копоти вѣковъ, начинаетъ блистать всѣмъ богатствомъ благородныхъ красокъ для прорѣзающихъ глазъ. Возстановляется старая традиція, которая всегда была традиціей культуры и гуманности.

Въ этой связи и въ такой перспективѣ было-бы тщетно и суетно въ современномъ политическомъ движеніи Грузіи и другихъ народовъ Кавказа видѣть случайное порожденіе внѣшнихъ обстоятельствъ, честолюбій и интригъ. Это, очевидно — новый отпрыскъ на старомъ деревѣ съ корнемъ уходящимъ глубоко въ почву.

Намекая на этотъ корень и приглашая оглянуться на мгновеніе назадъ, авторъ нисколько не собирается отвлекать читателя отъ политическихъ запросовъ нашихъ дней. Предлежащая книга пытается закрѣпить передъ его вниманіемъ нѣсколько лишь нитей въ безконечно сложной ткани жизненныхъ отношеній, которую Исторія, неустанный ткачъ, развертываетъ передъ нами. И если полезно разсказу о событіяхъ и впечатлѣніяхъ, обнимающихъ 1918-1921 г. г., предпослать нѣсколько словъ напомниманія о прошломъ, далекомъ — однако, вовсе не столь далекомъ, — то какъ же оставить безъ краткаго хотя-бы послѣсловія повѣсть, законченную такимъ важнымъ для Грузіи событіемъ, какъ водвореніе въ ней совѣтскаго строя, послѣ вторженія коммунистовъ въ началѣ 1921 г.?

Это возвращаетъ насъ болѣе специально къ куску пережитой исторіи, намѣченному въ этой книгѣ.

Набрасывая эпопею вопроса о независимости Грузии въ международной политикѣ Европы 1918-1921 г. г., авторъ мало или почти вовсе не касался внутренней исторіи самой Грузии за эти годы. Внутреннее ея положеніе всегда какъ-бы постулировалось, преимущественно, въ положительныхъ тонахъ постепеннаго самоустроения молодой жизнеспособной демократіи.

Такая, совершенно общая оцѣнка не такъ ужъ далека была отъ дѣйствительности: недаромъ, на основаніи наблюдений и сообщеній представителей державъ, вовсе не всегда и не сильно расположенныхъ въ пользу Грузии, страна эта добилась международного признанія своей независимости, одновременно и наряду съ балтійскими республиками.

Въ виду однако быстрого и полнаго крушенія, которому подверглась, для многихъ неожиданно, въ началѣ 1921 г. представительная демократія Грузии подъ ударами совѣтской политики, необходимо, конечно, внести нѣкоторую поправку въ приведенную оцѣнку грузинской демократіи 1918-1921 г. г.

Поправка должна, одновременно, дать ключъ къ уразумѣнію того, чѣмъ облегчилось торжество въ Грузии Совѣтовъ. Объ ошибкахъ внѣшней политики нѣтъ необходимости здѣсь говорить: онѣ указаны въ этой книгѣ. Проистекали-же онѣ въ сущности изъ того-же доктринерскаго навожденія марксизма, въ нарушеніе правилъ государственнаго искусства, которымъ причинялся такой ущербъ Грузии и въ ея внутреннихъ дѣлахъ.

Правительство Грузии мыслилось ея вождями какъ демократическое — въ отличіе отъ строя совѣтскаго.

На дѣлѣ Грузія, конечно, вовсе еще не удовлетворяла требованіямъ представительной демократіи. Внѣшнія формы послѣдней прикрывали здѣсь диктатуру грузинской соц.-дем. партіи.

Въ этомъ не было-бы бѣды. Это было даже полезно въ революціонную эпоху, создавая для правительства на первыхъ порахъ прочную опору въ видѣ хорошо организованной, вліятельной партіи. Но достаточно, по обстоятельствамъ, крѣпкая государственная власть осуществлялась съ чрезмѣрнымъ уклономъ въ сторону партійной доктрины, съ чрезмѣрными нарушеніями неписанныхъ, интуиціей постигаемыхъ, но во многомъ непреложныхъ правилъ государственнаго искусства.

Притомъ, постепенно, такой характеръ грузинскаго правительства не ослаблялся, а усугублялся. Въ ноябрѣ 1917 года грузинскій національный конгрессъ возвѣщалъ, казалось, картину всенароднаго единенія и общалъ, думалось, политику національную. Въ началѣ 1921 года Грузія имѣла и въ лицѣ своего правительства, и въ образѣ Учредительнаго Собранія простую креатуру партійной организаціи. Неустанно и съ упорствомъ неискусныхъ въ государственныхъ дѣлахъ доктринеровъ, все время суживали самую основу своего существованія, своей будущности.

Въ концѣ пути правительство Грузии очутилось на столь узенькомъ карнизѣ, что сбросить его внизъ оказалось возможнымъ простымъ щелчкомъ.

Происходило-же это не случайно. Вышедшее изъ революціи правительство Грузии было все-же въ гораздо большей степени правительствомъ социальной демагогіи, чѣмъ органомъ демократической и національной политики. Ему надлежало и легко было-бы сдѣлаться послѣднимъ: этого не произошло.

Расправа съ земельными собственниками была, въ сущности, главною страстью этого правительства.

Аграрная реформа внушалась и дѣйствительными потребностями крестьянъ, и подавляющимъ примѣромъ и вліяніемъ русской революціи; но и приемами демагогической революціонной конкуренціи. Реформа эта была неизбѣжна; вылилась же она въ формы нисколько не соображенныя съ условіями сельскаго хозяйства, съ будущими потребностями и съ укладомъ столь дифференцированной націи, какъ Грузія.

Сознательно наносился уничтожающій ударъ многочисленнымъ группамъ населенія, важной, сравнительно образованной и необходимой части его.*)

А одновременно, послѣ отчужденія въ пользу крестьянъ конфискованной у прежнихъ собственниковъ земли, невольно

*) Имѣются здѣсь въ виду, конечно, не тѣ, сравнительно немногіе, потомки вождей и рыцарей, — политическимъ ничтожествомъ и духовнымъ оскудѣніемъ заплатившіе за отказъ свой отъ народной традиціи, но обширный слой прочно связанныхъ съ землей и народомъ земельныхъ собственниковъ, среднихъ и мелкихъ, важное слагаемое и полезный сотрудникъ грузинской демократіи, пожелай она устроиться по-государственному.

усиливалось въ крестьянской массѣ, вообще присущее ей, равнодушіе къ вопросамъ политическаго строя, ослаблялся въ ней всякій инстинктъ сопротивленія вторгающейся извнѣ силѣ, разъ отъ послѣдней не ожидалось опасности для совершившагося надѣленія землею.

Словомъ, аграрная политика Грузіи имѣла уклонъ не въ сторону Европы и ея гражданскихъ кодексовъ и не была согласована съ государственнымъ интересомъ независимой Грузіи.

Прямое-же нежеланіе, по малодушію и непониманію, серьезно заняться устройствомъ вооруженной силы (хотя бы по примѣру коммунистовъ съ 1918 г.), на случай всегда возможнаго вторженія, происходила изъ той-же основной доктрины грузинскаго правительства, доктрины классовой борьбы и насильственнаго социальнаго передѣла, которая и помѣшала ему сдѣлаться правительствомъ національнымъ.

Аграрная реформа, обездоливъ, подавивъ однихъ, надѣливъ другихъ *безъ возложенія на нихъ серьезныхъ тяготъ* финансовыхъ и въ видѣ дѣйствительной воинской повинности, сдѣлала крайне затруднительнымъ устройство самой даже скромной арміи въ странѣ, столь богатой строевыми офицерами и въ народѣ, на протяженіи долгихъ вѣковъ выковавшимъ себѣ славу воинской доблести.

Когда Грузію *довели до столкновенія* съ Совѣтской Россіей, не богъ вѣсть какимъ силамъ этой послѣдней не было оказано никакого почти сопротивленія. Все было сдѣлано для того, чтобы наступающая совѣтская армія встрѣтила не «вооруженный народъ» — а группу партійныхъ вожаковъ, обширное сообщество лицъ, причастныхъ къ эксплуатаціи государственной власти, а съ ними небольшую кучку вѣрныхъ мюридовъ.

Сбросить все это въ Черное море оказалось сущимъ пустякомъ.

Твердое знаніе этой внутренней обстановки — этого кореннаго отсутствія военной организаціи въ Грузіи — и подсказало московскому правительству мысль о необходимости «покончить съ Грузіей», какъ только внѣшняя обстановка (о чемъ сообщено въ книгѣ) сложилась для того благоприятно.

Извлечена была при этомъ великая польза и изъ огромнаго соблазна, неизбежно вносимаго въ умы «трудящихся массъ»

Грузіи, кліентовъ и мнимой опоры с.-д. правительства — совѣтскими лозунгами классовой борьбы, отобранія земель и пр. Это было то, на чемъ массы именно и воспитывались въ Грузіи. Какое вліяніе могли имѣть тогда всѣ схоластическія оговорки и разнотолкованія тифлисскихъ начетчиковъ, разъ ихъ-же девизы явственно различались на знаменахъ вторгавшихся войскъ, и привычный престижъ російскаго могущества принималъ обличіе еще вчера столь горячо лелѣемаго краснаго знамени?

Противопоставить въ послѣдній моментъ страну-націю вторгающемуся въ нее чужеземцу, перейти внезапно съ жаргона международныхъ социалистическихъ конгрессовъ на языкъ патріотизма и національной экзальтаціи — было дѣломъ запоздалымъ и безнадежнымъ. Если бы съ 1918 года проявлена была въ этомъ отношеніи самая средняя государственная заботливость, не было-бы и надобности въ этихъ внезапныхъ и столь ненужныхъ обращеніяхъ...

Вотъ и произошло, неизбежно и неустранимо, крушеніе грузинской демократіи какъ разъ въ моментъ, когда усѣвшись самоувѣренно и самодовольно на узкомъ карнизѣ ея облюбованной партійной исключительности, она, послѣ полнаго международнаго признанія независимости Грузіи въ январѣ 1921, предвкушала еще болѣе полное и болѣе спокойное наслажденіе плодами своихъ, во многомъ цѣнныхъ трудовъ. Въ этотъ-то моментъ она и была, какъ сказано, съ большою легкостью сброшена внизъ.

Прибавить-ли то, какъ этому способствовало неумѣніе согласовать темпъ работы по улаженію споровъ съ сосѣдями и по устройству нужныхъ съ ними союзовъ съ лихорадочнымъ ритмомъ исторіи? Прибавить-ли, какъ послѣ трехъ лѣтъ внѣшней политики, во многомъ удачной, Грузію поставили въ положеніе полной изолированности, подъ вѣчную угрозу удара — Москвы и Ангоры? Остановиться-ли еще на томъ, какъ однимъ и другимъ воспользовалась Москва, и какъ способствовала своему успѣху на Кавказѣ программой союзнаго объединенія закавказскихъ республикъ — силою навязавъ имъ то, чего онѣ не пожелали сами сдѣлать на путяхъ свободы и независимости? или на томъ размежеваніи съ Турціей осуществленномъ московскимъ правительствомъ, въ усло-

віяхъ тягостныхъ особенно для Арменіи (уступка Карса) но и для Грузіи; но которое было все-же *разрѣшеніемъ* вопроса, вѣроятно къ удовольствію многихъ желавшихъ спокойно работать на прирѣзанной и добытой послѣ революціи землѣ?

Здѣсь достаточно намѣтить эти главныя линіи, чтобы, вернувшись опять къ стилю историческихъ созерцаній, сказать, что грузинская демократія 1918-1921 г., бывшая формой диктатуры с.д., т. е. марксизма праваго крыла, являлась періодомъ подготовительнымъ къ торжеству въ Грузіи диктатуры совѣтской. Всѣмъ содержаніемъ соціальной политики и духомъ своимъ, демократія эта, вопреки несомнѣнно и ярко пробуждавшемуся въ ней народному сознанію, обращена была на дѣлѣ въ сторону Москвы, а не Европы. И этимъ создавалось коренное противорѣчіе съ той европейской оріентаціей ея внѣшней политики, которой Грузія держалась настойчиво до лѣта 1920 г.

Когда въ тяжелые дни февраля-марта 1921 г. Грузію уложили на столъ, и опытный хирургъ, совѣтская власть, произвелъ надъ ней жестокою операцію, онъ зналъ что пациентъ захлороформированъ и подготовленъ къ операціи не менѣе опытной, хотя и не столь дерзающей рукой грузинскихъ с.д.

То что политически и субъективно было борьбой и казалось переворотомъ, исторически и объективно оказывалось простымъ раздѣленіемъ труда и чередованіемъ фазъ.

Вотъ и все. Это печально, но такіе политическіе пассажи не кажутся значительными въ эпоху, когда миллионы здоровыхъ цвѣтушихъ людей умерщвлялись какъ ни въ чемъ не бывало!

Исторія человѣчества порою принимаетъ формы сумасшедшей пляски. За внѣшними бредовыми формами, за быстрымъ мельканіемъ событій важно видѣть основныя темы, постоянно возвращающіяся прочныя нити.

Стремленіе народовъ къ свободѣ, къ творческому независимому существованію въ таинственномъ единеніи націо-

нальныхъ коллективовъ и есть одна изъ такихъ темъ, одна изъ мнимо лишь прерываемыхъ нитей.

Независимость Грузіи и сосѣднихъ ей народовъ Кавказа, несмотря на событія 1920-21 г. г., вовсе не является простымъ эпизодомъ вчерашняго дня, съ такою скоростью уходящаго въ исторію; напротивъ, она есть и останется живой темой и нашихъ дней и близкаго будущаго. Поэтому и книга эта далека отъ настроенія выраженнаго въ знаменитомъ

Victrix causa diis placuit, sed victa Catoni.

И если здѣсь ничего не прибавляется о томъ, въ какихъ условіяхъ и съ какими превращеніями жизнь Грузіи протекаетъ нынѣ въ навязанномъ ей единеніи съ другими государствами совѣтскаго Союза; какъ рисуется политическое и хозяйственное развитіе на Кавказѣ подъ вліяніемъ всего, созданнаго русскою революціей, положенія; и какъ на дѣлѣ устраиваются взаимоотношенія между кавказскими народами, послѣ отхода къ Турціи значительныхъ территорій по Карсскому миру 1921 г.; — то это лишь потому, что здѣсь передъ нами уже новый, сложный отрѣзокъ исторической ткани, еще не вышедшій изъ рукъ Ткача, и въ которомъ разбираться было бы преждевременно.

И Грузія, и Арменія, и Азербайджанъ существуютъ; прокатившаяся по нимъ колесница всеобщаго уравненія, не стерла ихъ съ лица земли. Исторія ихъ не прерывается въ 1921 году; она протекаетъ въ новыхъ условіяхъ.

Для книги, основанной на прямомъ опытѣ и непосредственныхъ переживаніяхъ, какъ эта, достаточно такихъ общихъ замѣчаній: о политическихъ судьбахъ нашихъ республикъ съ 1921 г. авторъ могъ бы говорить лишь какъ любопытный читатель, во многомъ неосвѣдомленный.

Итакъ — продолженіе, не перерывъ. И никому не слѣдуетъ цѣпляться за прошедшее. Въ настоящемъ гораздо больше реальности, а въ будущемъ — привлекательности.

Что же касается тѣхъ многихъ, къ которымъ авторъ и себя причисляетъ, и кто, пострадавъ отъ политическихъ сумятицъ (насколько, однако, меньше погибшихъ на войнѣ отъ меча, или растерзанныхъ въ гражданскихъ схваткахъ!) не придаетъ сво-

имъ личнымъ ранамъ значенія, и не смѣшиваетъ ихъ съ судьбой дѣла, которому служилъ, имъ остается припомнить слова умницы, давно писавшаго и за себя, и за нихъ: «*si l'événement me bat, s'il favorise le party que j'ay refusé, il n'y a remède; je ne m'en prens pas à moy; j'accuse ma fortune, non pas mon ouvrage; cela ne s'appelle pas repentir.*» (Montaigne. Essais. Livre III, chap. II.).

Парижъ, сентябрь 1924.

Примѣчаніе. Предполагалось дополнить настоящее сочиненіе вторымъ томомъ, въ который вошли-бы написанные авторомъ и обнимающіе весь періодъ отъ провозглашенія независимости Грузіи вплоть до юридическаго ея признанія великими державами (1918-1921) ноты и меморандумы, подававшіеся по дѣлу Грузіи, за разными подписями, въ различныхъ столицахъ Европы. Документы эти, представляя какъ-бы небольшое собраніе матеріаловъ по новѣйшей исторіи Грузіи и Кавказа, являли-бы, въ то-же время, въ совокупности своей, нѣкоторое единство мысли и стиля, будучи составлены однимъ лицомъ. Въ видѣ-же предисловія и комментарія къ этому сборнику французскихъ писаній, имѣлось въ виду дать краткій обзоръ нѣсколькихъ основныхъ вопросовъ кавказской политики. Отъ мысли этой, къ великому облегченію для читателя и къ еще большому — для автора, пришлось отказаться.

Нелишнимъ, кажется, будетъ также объяснить, почему книга эта, грузинская и кавказская по существу, издается по-русски: авторъ имѣлъ въ виду, что для разбросанныхъ по Европѣ дѣтей Кавказа и для русскихъ, съ Кавказомъ связанныхъ — т. е. для возможнаго круга его читателей русскій является наиболѣе понятнымъ общимъ языкомъ.

Настоящее сочиненіе (съ предисловіемъ) было сдано въ печать до полученія извѣстій о возстаніи въ Грузіи (сент. 1924).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Post-Scriptum, вмѣсто предисловія	VII
Оглавленіе	XVII
Вступленіе.	1
Глава I. — <i>Съ Россіей!</i>	
1. Свободная Грузія въ свободной Россіи	3
2. Къ исторіи російскаго федерализма	5
3. Въ дни Временнаго Правительства	6
Глава II. — <i>Грузинскій комитетъ въ Петроградѣ.</i>	
4. Дѣла обывательскія	9
5. Дѣла военныя	10
6. Нѣчто о мирѣ брестъ-литовскомъ	11
Глава III. — <i>Санитарный поѣздъ № 133.</i>	
7. Его удачи	14
8. Злоключенія	16
9. Приваль въ Пятигорскѣ	21
Глава IV. — <i>На Кавказѣ.</i>	
10. Снова въ путь	23
11. По Военно-Грузинской дорогѣ	24
12. Въ Тифлисъ весною 1918 г.	26
Глава V. — <i>Въ Батумъ къ туркамъ.</i>	
13. Какъ это случилось	30
14. Съ «делегатскимъ» поѣздомъ.	33
15. Чувства и лица.	35
Глава VI. — <i>Конференція.</i>	
16. Засѣданіе 11-го мая.	40
17. Турецкія предложенія.	41
18. Какъ быть?	43
19. Чернильная война.	45
Глава VII. — <i>Развалъ Закавказья.</i>	
20. Подъ прессомъ исторіи.	48
21. Изъ батумскаго дневника.	50
22. А Россія?	51

Глава VIII. — <i>Новый путь.</i>	54
23. Независимость Грузии.	57
24. Дни рѣшенія.	
Глава IX. — <i>Курсъ на Германію!</i>	63
25. Изъ Батума въ Поті.	65
26. Потійское соглашеніе 28-го мая 1918 г.	
Глава X. — <i>Quo vadis, Georgia?</i>	70
27. Изъ Поті въ Берлинъ.	74
28. Наши задачи	
Глава XI. — <i>Въ Берлинъ, лѣтомъ 1918 г.</i>	77
29. Первая встрѣча	83
30. Затрудненія и достиженія	
Глава XII. — <i>Турція торжествуетъ.</i>	92
31. Батумскіе акты 4-го іюня 1918 г.	96
32. Подкопъ подъ нихъ въ Берлинѣ	
33. Въ треугольникѣ: Берлинъ-Москва-Константинополь	99
Глава XIII. — <i>Ставка на Германію.</i>	
34. Основанія «германской ориентаціи»	101
35. «На черномъ камнѣ»	105
36. Германско-русское соглашеніе 27-го авг. 1918 г.	109
37. Турецкая канитель	112
Глава XIV. — <i>Береженого и Богъ бережетъ!</i>	
38. Четъ или нечетъ?	114
39. Въ Христіаніи	116
Глава XV. — <i>На поворотѣ.</i>	
40. Талаатъ-паша въ Берлинѣ	121
41. Проектъ грузино-германскаго договора	124
42. Переломъ	126
Глава XVI. — <i>Посреди крушенія.</i>	
43. Съ послѣднимъ «Балканскимъ поѣздомъ»	129
44. Въ Константинополь, октябрь 1918 г.	133
45. По развалинамъ «Срединной Европы»	145
Глава XVII. — <i>Конецъ «германской ориентаціи».</i>	
46. Въ Берлинѣ, ноябрь 1918 г.	152
47. Мудросское перемиріе	541
Глава XVIII. — <i>Курсъ на Западъ!</i>	
48. Берлинъ-Лондонъ	151
49. На новыхъ рельсахъ	168

Глава XIX. — <i>Новая вариация на прежнюю тему.</i>	
50. Закавказскія распри	165
51. Программа Великой Арменіи	168
52. Теорія буфернаго государства	170
Глава XX. — <i>Въ Лондонѣ, на канунъ Парижской конференціи.</i>	
53. Европа и Кавказъ	173
54. Ложный маякъ	175
Глава XXI. — <i>Подъ солнцемъ Конференціи.</i>	
55. Первые радости	178
56. Принкипо	180
57. Чхеидзе и Церетели	182
Глава XXII. — <i>Тѣнь Россіи.</i>	
58. Грузинская делегация въ Парижѣ	188
59. Единая Россія и окраины	191
60. Великія державы и Единая Россія	192
Глава XXIII. — <i>Грузія и Добровольческая Армія.</i>	
61. Отъ худого мира къ доброй ссорѣ	196
62. «Демаркаціонная линія»	199
Глава XXIV. — <i>Англія между Россіей и Кавказомъ.</i>	
63. Каждому свое	204
64. Интернаціональ и Имперіалисты	207
Глава XXV. — <i>Три сосѣда.</i>	
65. Грузія, Азербайджанъ, Арменія	209
66. Борчалинскій вопросъ передъ судомъ Интернаціонала	212
Глава XXVI. — <i>Въ поискахъ мандатарія.</i>	
67. Мандатъ и независимость	214
68. Англія?	220
69. Італія?	221
Глава XXVII. — <i>Американскій миражъ.</i>	
70. Надежды и предположенія	225
71. Миссія генерала Харборда	228
Глава XXVIII. — <i>Въ конецъ года (1919).</i>	
72. Послѣднія предубѣжденія	234
73. Наканунѣ признанія	236
Глава XXIX. — <i>«Фактическое» признаніе (январь 1920 г.).</i>	
74. Верховный Совѣтъ и Закавказскія республики	238
75. Передъ «красной» опасностью	243
76. Признаніе добровольцевъ	247

Глава XXX. — <i>Верховный Советъ въ Лондонѣ.</i>	
77. Русская политика державъ (февраль-мартъ 1920 г)	250
78. Въ комиссіи о границахъ Арменіи	253
79. Борьба за Батумъ и выходъ Арменіи къ морю...	257
80. Между сосѣдями	260
Глава XXXI. — <i>Кавказскія республики и конференція въ Санъ-Ремо (апрѣль 1920 г.).</i>	
81. Парижское предисловіе	265
82. Англо-кавказскіе переговоры и испытаніе кавказской солидарности	271
83. Крушеніе британскаго плана	280
Глава XXXII. — <i>Уходъ Европы и возвращеніе Россіи.</i>	
84. Паденіе Баку; грузино-русское соглашеніе....	283
85. Грузинскій Батумъ и Севрскій договоръ	288
86. Западническія иллюзіи и восточная дѣйствительность	291
Глава XXXIII. — <i>Лига Націй или «оставьте всѣ надежды».</i>	
87. На первой «ассамблеѣ народовъ» (нояб.-дек. 1920)	294
88. Паденіе Арменіи	301
Глава XXXIV. — <i>Признаніе Грузіи de jure (январь 1921).</i>	
89. «Нынѣ отпущаеши раба твоего»	307
90. Паденіе Грузіи (февраль 1921 г.)	311

Указатель именъ.

Исправленіе погрѣшностей.

НЕЗАВИСИМОСТЬ
ГРУЗИИ
въ международной политикѣ
1918-21 г.г.

გაბრიელის მამო აგვისტო
3000 ნიჭიანი მამო.

RUSTHAVELI

ВСТУПЛЕНИЕ.

Стремление къ независимости обнаружилось въ Грузіи съ первыхъ же дней російской революціи. Иначе не могло и быть.

Условія присоединенія Грузіи къ Россіи были ненормальны; произошло оно, въ свое время (1801 и сл.), далеко не безболѣзненно.)*

Несмотря на значительную энергію и внѣшній успѣхъ руссификаторской политики, несмотря на полную невозможность для Грузіи организовать свою національную жизнь, достаточнаго сліянія, сраженія съ Россією все-же не произошло.

Вліяніе русской культуры, отчасти разрушительное, въ другихъ отношеніяхъ благотворное, было здѣсь во всякомъ случаѣ глубокимъ и разностороннимъ; политическая лояльность Грузіи по отношенію къ Россійской имперіи оставалась въ теченіе добраго столѣтія прочной, непоколебимой — а все-же руссификація Грузіи въ смыслѣ окончательнаго ея отказа отъ всякихъ собственныхъ національныхъ стремленій была такъ-же мало достигнута въ Грузіи, какъ на другихъ «инородческихъ» окраинахъ. Правду сказать, сама эта программа руссификаціи говорила лишь о скудости государственнаго,

**) См. объ этомъ З. Аваловъ. Присоединеніе Грузіи къ Россіи. 2-ое изд. 1906. Имѣется еще старая книга Н. Дубровина хорошее небольшое изслѣдованіе Хелтуплишвили (въ московскомъ Юридич. Вѣстникѣ 1890-хъ г. г.) и т. д., но предметъ не получилъ еще полной обработки.*

творчества, о высыханіи живых источников «имперскаго строительства» въ самомъ государственномъ центрѣ Россіи.*)

Конечно: только революція 1917 года давала серьезную возможность выдвинуть грузинскій вопросъ какъ вопросъ публичнаго права въ Россіи. Но только большевицкій переворотъ и политическая конъюнктура великой войны послѣ Брестъ-Литовскаго мира въ 1918 году сдѣлала возможнымъ — но и необходимымъ — разрѣшеніе этого вопроса (для многихъ неожиданное), въ смыслѣ полной государственной независимости Грузіи, слѣдовательно, уже на почвѣ права международнаго.

Собственно къ этой международной стадіи въ развитіи грузинскаго вопроса (1918-1921 г. г.) и относятся излагаемые здѣсь факты, наблюденія, воспоминанія. Но для ясности придется начать съ нѣкоторыхъ болѣе раннихъ эпизодовъ (преимущественно 1917 г.) — то политическаго значенія, а то и просто бытовыхъ, имѣющихъ, однако, всегда прямое отношеніе къ главной, чисто политической темѣ этой книги.

*) Общій очеркъ національнаго вопроса въ Грузіи наканунѣ войны и революціи сдѣланъ былъ мною для сборника: *Формы національнаго движенія въ Европѣ и Россіи*, изданнаго въ 1909 году (Спб. «Общественная Польза»). Другой мой этюдъ о политическихъ проблемахъ Кавказа былъ напечатанъ въ «Русской Мысли» П. Б. Струве (1911 г.). Возможно, что въ этихъ работахъ освѣщены тѣ корни, изъ которыхъ — въ нѣсколько тепличной атмосферѣ 1918 года столь стремительно произросло древо независимости Грузіи.

ГЛАВА I.

СЪ РОССІЕЙ!

1.

Когда въ Петроградѣ разразилась февральская революція, т. е. иными словами, когда начала рушиться и распадаться держава Романовыхъ, никто въ Грузіи (исключеній здѣсь было немного) не подумалъ и не сказалъ: «пришло время сбросить русское иго». Однако, понимали, что насталъ конецъ всей системѣ управленія Кавказомъ посредствомъ традиціонной военно-полицейской диктатуры; что, вмѣстѣ съ властью Императоровъ, падаетъ кавказское проконсульство, какъ оно сложилось за вѣкъ русскаго владычества. Государственное самоуправленіе народовъ Кавказа, еще вчера казавшееся недостижимой мечтою, вдругъ показалось дѣломъ предрѣшеннымъ, непререкаемымъ.

Но Временное Правительство (перваго состава) вовсе не собиралось отказываться отъ русскихъ владѣній на Кавказѣ — или отъ какой-либо другой части историческаго наслѣдія Россіи: оно скорѣе не прочь было это наслѣдіе приумножить. Съ другой стороны, ни Грузія, ни какая другая часть Кавказа вовсе и не думала тогда отдѣляться отъ Русской Имперіи. (Императоровъ больше не было, Имперія, думалось, продолжала быть). Казалось, что революція дастъ всѣмъ возможность соединиться воедино на началахъ, на этотъ разъ, для всѣхъ пріятныхъ и благопріятныхъ. Съ такимъ, повидимому, чувствомъ и Временное Правительство отправляло въ Тифлисъ «Особый Закавказскій Комитетъ» (о которомъ скажу нѣсколько словъ ниже).

Но въ духѣ единенія съ Россіей надо разумѣть и тѣ заявленія о независимости Грузіи, которыя дѣлались, начиная съ марта 1917 года, и въ Грузіи, и за ея предѣлами.